

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ПАТРИОТИЗМ КРЕСТЬЯНСТВА В 1812 Г.

© 2009 А.И. Попов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 16.02.2009

На основании сравнения показаний аутентичных источников (документов и мемуаров) с тем, что писали советские сочинители о роли классовой борьбы российского крестьянства во время Отечественной войны 1812 г., автор попытался сделать наиболее взвешенные и объективные выводы о том, как в ходе этой знаменитой кампании соотносились между собой классовая борьба крестьян и проявленные ими патриотические настроения.

Ключевые слова: Россия, начало XIX в., Отечественная война 1812 г., классовая борьба крестьянства, патриотизм народа.

Как известно, официальная (дворянская) историография, исходившая из постулата о единении в 1812 г. “всех состояний” (сословий) вокруг престола, обходила молчанием проблему социальных противоречий во время войны. Так, вопреки известным ему фактам, генерал А.И. Михайловский-Данилевский заявил, будто “нигде в губерниях, прилегавших к театру губительнейшей из войн, и в самой близости от нее не были нарушены законы. В разных местах Московской и Смоленской губерний... образовалась подчинённость безусловная”; “при удивительном единодушии, воспламенявшем все сословия, не колебалась безусловная покорность властям... Покорность начальству и помещикам ни в каком случае не прерывались”¹. Представители позитивистской (буржуазной) историографии обоснованно опровергли этот тезис, документально доказав наличие тогда классовой борьбы².

Суждения же советских (марксистских) авторов о восстаниях крестьян в 1812 г. менялись с течением времени. Первоначально они рассуждали чисто схоластически. Так, Е.В. Тарле утверждал, будто “наличие неприятельской армии в стране являлось не усиливающим, а, напротив, ослабляющим элементом антипомещичьего движения. Беспощадно грабящий неприятель решительно отвлекал внимание крестьян от помещиков”. В другом месте он писал, будто “восстания крестьян в 1812 г. были буквально каплей в море сравнительно с гигантским подъёмом чувства гнева к иноземному хищнику”. Позже это же утверждал Л.Н. Бычков: “В губерниях, оккупированных наполеоновской армией, не наблюдалось обострения классовой борьбы... Свои силы крес-

тьянство России направило в это время, прежде всего, на борьбу против наполеоновской армии”. Во время войны “произошло не увеличение, а наоборот, даже некоторое уменьшение числа крестьянских волнений. Это объясняется тем, что в период справедливой, оборонительной войны народные массы... считали своим кровным делом, прежде всего, защиту национальной независимости страны”³. Смысл подобных априорных утверждений понятен: подчеркнуть некую политическую сознательность крестьянства; однако они абсолютно противоречили фактам.

С другой стороны, советские авторы, исповедовавшие марксистский постулат о ведущей роли классовой борьбы в развитии мировой истории, к 60-м гг. XX в. убедительно доказали, что во время войны крестьянское движение резко обострилось, особенно в губерниях, затронутых войной. По их подсчётам, в 1812 г. произошло как минимум 60-67 крестьянских выступлений, в то время как в довоенное время на год приходилось в среднем по 20 волнений. Причём, это не полные данные, многое ещё не обнаружено в архивах, а некоторые восстания “не нашли отражения в источниках в силу того, что они происходили на оккупированной территории или в районах боевых действий”⁴.

Но некоторым советским сочинителям и этого показалась мало, и они попытались ещё более “раздуть пожар” и без того напряжённой классовой борьбы. К крестьянским восстаниям были отнесены события в Овруче, где на самом деле произошло антирусское выступление⁵. В.И. Бабкин уверял, что “с первых же дней на территории, занятой неприятелем, возникли повсюду очаги борьбы “на два фронта” – против иноземных и внутренних угнетателей... С первых же дней вторжения неприятеля белорусские и ли-

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, член международного Наполеоновского общества. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

товские крестьяне “взбунтовались почти во всех деревнях””. При этом он *почему-то* сослался на публикатора В.И. Харкевича, а не на А.Х. Бенкендорфа, которого тот процитировал; последний же имел в виду только Витебскую губернию. “Волна крестьянских восстаний охватила и территорию Прибалтики”, – написал Бабкин и привёл *один-единственный* пример. В одном только Вышневолоцком уезде Тверской губернии Бабкин насчитал более 30 волнений, тогда как доподлинно известно всего о 2 случаях на всю губернию! Таким же образом Б.С. Абалихин заявил, будто “вся занятая французами часть Волыни была охвачена... народным восстанием”. В доказательство этого он привёл *только* письмо генерала А.П. Торماسова, *опустив в нём одну фразу*: “жители, возмущённые Варшавскою конфедерациею, скрылись в леса и болота, где находясь преграждают сообщение войск, нападают на транспорты и партии и схватывают курьеров”. Таким способом жители, вредившие российским войскам, превратились в “наших партизан”. К тому же в письме речь шла не о Волыни, а о Гродненской губернии. В опубликованных документах нет никаких сведений о крестьянских бунтах на Волыни.

Вслед за Г.Т. Рябковым Бабкин и Н.А. Троицкий писали о 40 *партизанских отрядах*, которые действовали на Смоленщине. На самом деле речь может идти только о *дружинах самообороны, а точнее, кордонах*, созданных усилиями местной дворянской администрации, заслуги которых в борьбе с неприятелем Бабкин приписал “восставшим крестьянам”; при этом он наверняка не понимал, что последнее выражение в 12-м году применялось к мужикам, поднявшимся против неприятеля, а не против своих помещиков. Он уверял, что “территория уездов Звенигородского, Покровского, Серпуховского, Коломенского также *были охвачены крестьянскими мятежами*”, и привёл *всего 3 примера, 2 из которых* никак не подходят под определение “мятеж”. Бабкин утверждал, что “в большинстве уездов Калужской губернии вспыхивали волнения”, причём эти же мятежные крестьяне помогали русской армии. Он и здесь привёл *один единственный пример*: сообщение о том, что крестьяне *трёх* деревень Малоярославецкого уезда “вышли из послушания”. На самом же деле их непослушание состояло в том, что они, при *ложном слухе* о приближении противника, покинули свои селения. Бабкин же заявил, что именно они “поражали неприятеля со свойственной храбростью русских”!

Столь же лживо утверждение Бабкина, будто “отряды, истреблявшие неприятельские силы, являлись одновременно и базой развёртывания

антипомещичьих волнений”. Абалихин также писал, что “в прифронтовых губерниях *крестьянские дружины самообороны... служили опорой для антифеодальных выступлений*”⁶. На самом деле *всё обстояло с точностью до наоборот*: партизаны, ополченцы и отряды самообороны (кордоны) подавляли крестьянские бунты в Витебской, Могилевской, Смоленской и Московской губерниях. Не удосужившись почитать источники, Троицкий воспроизвёл чужую фразу о том, что “больше 4 тыс. взбунтовавшихся крестьян Ельнинского уезда... *уступили только регулярным войскам*”⁷. На самом же деле этих крестьян “возмутили” французские мародёры, вместе с которыми они грабили также соседние селения Калужской губернии, а усмирили бунтовщиков мужики с кордонов Мосальского уезда и 200 ратников 4-го полка Калужского ополчения.

Марксисты с неким “классовым удовольствием” отмечали, что “яросный бунт” крестьян Дорогобужского уезда напуганные местные власти называли “революцией”, но стыдливо умалчивали о том, что эти мужики вышли “из повиновения не без влияния со стороны неприятеля”, а подавили этот бунт партизаны (казаки) и 3 тыс. ратников Смоленского ополчения. С тем же удовольствием они писали, что крестьяне Волоколамского уезда бунтовали “целыми селениями”, но ни слова не сказали о том, что, “бунтуя, крестьяне говорили, что отныне они принадлежат французам, поэтому повиноваться будут им, а не русским властям”, что расправились с ними русские партизаны (казаки), командир которых А.Х. Бенкендорф (будущий шеф жандармов) всё же заступился за неразумных мятежников.

Бабкин написал, будто “в Юхновском уезде *партизанский отряд, истреблявший неприятельские шайки*, расправился и с помещиками Ивановым и Вешневым”. На самом же деле это были изменники, которые занимались грабежом вместе с неприятельскими мародерами. Крестьянин Мартынов указал им, где что находилось в господском доме, и, “соединясь с французами и придя в село Лосьмину первой начал стрелять по казакам”. Он, “дыша изменою к Отечеству, *присоединился к партии неприятельской и... указал то место, где хранилось церковное имущество*, и они, взломав крышу, забрали там самые лучшие вещи”. За это он был расстрелян партизанами Д.В. Давыдова по приказу М.И. Кутузова. Давыдов писал, что “*известными изменниками* были ... дворовые люди отставного майора Семёна Вишнева”, которые, “*соединясь с французскими мародерами*, убили господина своего”, крестьянин Никифоров, который “с ними же убил отставного поручика Данилу Иванова”, и Мартынов, который “наводил их на известных ему бо-

гатых поселян, убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл из гроба прах помещицы села сего и стрелял по казакам”⁸.

Бабкин заявил, что “смоленские помещики прибежали к помощи врага в борьбе с крестьянами”, и привёл в пример помещика П.И. Энгельгардта. Но именно этот случай свидетельствует прямо об обратном: в своём имении в Духовщицком уезде (а не в Бельском, как писал Бабкин) Энгельгардт отбивался от мародёров и фуражиров. Четверо крестьян, не желавших работать на помещика, донесли на него французским властям, и он был расстрелян⁹. Рассказав о бунте крестьян в Полоцком уезде, Бабкин стыдливо умолчал о том, что они действовали, “соединясь с французскими мародерами”. Даже в известной фразе А.С. Пушкина слово “остервенение народа” он умудрился заменить на “одушевление”! С помощью подобной лжи и подтасовок Бабкин сфабриковал вывод, что “вся территория, занятая Наполеоном, была охвачена пламенем антикрепостнического движения. Возник своеобразный единый фронт в рамках национально-освободительной и классовой борьбы крестьянства Белоруссии, Литвы, Прибалтики, русских губерний и Украины”.

Бабкин верно заметил, что *основной задачей исследователей данного вопроса является решение проблемы соотношения в крестьянском движении патриотического и антифеодального моментов*. Советские сочинители решили эту проблему так: крестьяне одновременно боролись “на два фронта” – против захватчиков и против своих помещиков. С.Б. Окунь уверял, будто “выступления против помещиков не ослабили борьбу с наполеоновским нашествием. Они шли параллельным потоком, усиливая друг друга”. Абалихин утверждал, что “в каждой форме социального протеста в 1812 г. тесно переплетались и дополняли друг друга две тенденции: стремление народных масс защитить свою родину и борьба за личную свободу”. Более того, “патриотизм народных масс проявлялся в классовой борьбе и непосредственно” (?), “причём патриотическая тенденция чаще всего брала верх над социальной”¹⁰.

Данным сочинителям и в голову не приходило, что при тогдашних средствах связи, при наличии национальных противоречий и поголовной безграмотности крестьян ни о каком “едином фронте” и речи быть не могло, что те войска, которые направлялись русскими властями на подавление крестьянских волнений, отрывались от борьбы с противником, что крестьянские мятежи мешали набору рекрутов и ополченцев, сбору продовольствия и фуража. Марксисты упорно “не замечали” того факта, что бунты были направлены не просто против помещиков, но и против местных властей российского государ-

ства, которое вело борьбу с захватчиками.

Показателен в этом плане следующий пассаж из книги Троицкого: “Как отмечает Н.И. Сошин, “впервые после крестьянской войны 1773-1775 гг. страх помещиков перед всеобщим крестьянским восстанием стал государственной проблемой”, едва ли меньшей, чем отпор внешнему врагу”. Даже верно констатировав масштаб опасности классовой борьбы, марксисты-ленинцы “в упор не видели” той угрозы, какую она представляла именно для государства российского; похоже, что они, подобно своим идейным учителям (большевиком), желали поражения своему отечеству. Между тем, В.М. Безотосный верно заметил, что в условиях войны на подавление восстаний “отправлялись воинские команды, вместо того, чтобы воевать с “супостатом”. Часто крестьяне вместе с французскими дезертирами громили барские усадьбы или выдавали наполеоновским войскам “патриотов”- дворян. *Вряд ли эти деяния можно отнести к разряду патриотических*”¹¹.

Так, калужский губернатор П.Н. Каверин, назначенный временно управлять Смоленской губернией, направил в Ельнинский уезд председателя местного земского суда Бибикова с предписанием “о истреблении французских мародеров”. Но тот донёс, что “проходившие неприятели и остающиеся мародеры там поселили особенно в крестьянах понятие независимости, и тем до такой степени ослабили власть начальства..., что теперь без воинской команды и в пределы оной округи ни с какими увещеваниями войтить невозможно”. Каверин вынужден был просить послать туда отряд казаков, чтобы Бибиков для начала “привёл крестьян в надлежащее повиновение и послушание”¹². *Таким образом, вместо того, чтобы сражаться с противником, власти были вынуждены наводить социальный порядок.*

Сама жизнь ставила перед крестьянами дилемму: либо личное освобождение, либо борьба с противником. Там, где ослабевала дворянская администрация, крестьяне вставали на первый путь; там, где русские власти проявляли активность, они поднимали мужиков на борьбу с врагом. Каверин написал царю 22 ноября: “*Внутренние неприятеля в занятых им местах... повсеместно между поселянами рассеиваемое, уверенность в непринадлежности более России и в неприкосновенности к ним власти помещиков могло поколебать их умы; от чего некоторые в Смоленской губернии способствовали неприятелю в отыскании фуража и сокрытых имуществ, а другие, сообщась с ним, попускались даже на грабительство господских домов. Приписывая сие наиболее простоте и неведению поселян, а паче тому, что они оставались без всякого над ними начальства, не приступаю... к явным разыскани-*

ям... *Напротив в других местах, где начальство могло иметь свое действие..., при всяком неприятельском покушении с таковою лестию или на похищение поселян, везде встречали от них совершенную гибель*". Смоленский помещик М.М. - Ельчанинов свидетельствовал: "Со вступлением неприятеля в Смоленскую губернию, чернь взволнована была предательскими внушениями и обещанием свободы или вольницы, как тогда выражались"¹³.

Таким образом, *указанные тенденции не дополняли и не усиливали друг друга, а находились в прямом противоречии* – выступая против социальных устоев российского государства, крестьянин автоматически становился пособником неприятеля, с которым оно сражалось¹⁴.

Но при "смене полярности", когда речь заходила о Литве, где польско-литовская шляхта приняла сторону Наполеона, у советских авторов сразу просыпалось "классовое чутьё", то есть понимание того, что *выступление против дворянства означало и выступление против правительств* (в данном случае пронаполеоновского Временного литовского). "Восстания против польских и литовских помещиков, – писал Бычков, – были направлены и против наполеоновской армии. Командование противника было вынуждено посылать вооружённые отряды на подавление восстаний крестьян против наполеоновской армии". Сославшись на факты отказа крестьян от выполнения работ, Абалихин сделал вывод, будто "социальная борьба на оккупированной территории носила *не только антифеодальный, классовый, но и антифранцузский, национально-освободительный характер*". Он уверял, что "выступления крестьян сорвали попытки наполеоновского командования наладить сотрудничество с местным населением... *Французской администрации не удалось заготовить в достаточном количестве продовольствия и фуража для своих войск*".¹⁵

На самом же деле все обстояло с точностью до наоборот – литовской администрации удалось таки собрать достаточно большие запасы. Только в Вильно было собрано "хлеба (сухарей или муки) для 100.000 человек на 40 дней, не считая зернового хлеба, отчасти привезенного из Самогитии в зимние магазины; мяса на 100.000 человек на 36 дней, и вина (или пива) 9 миллионов порций; 42.000 пар сапог; значительные магазины с фуражом, зеленью, одеждою и лошадиною сбруею; 34.000 ружей; амуниция всякого рода. Другое дело, что остатки Великой армии уже не смогли ими воспользоваться. Бунты же крестьян в Белоруссии были направлены *не только* против профранцузски настроенной шляхты, но и против российских помещиков, и подавляли их в равной мере и фран-

цузские и русские карательные отряды¹⁶.

Обострение классовой борьбы на территориях, охваченных войной, советские авторы объясняли тем, что крестьянство здесь поднялось на борьбу с внешним врагом. Но, как верно отметил Б.Ф. Ливчак, "усиление антикрепостнических волнений именно в этих районах понятно: оно было обусловлено, прежде всего, тем, что с приближением неприятеля местные власти эвакуировались, уезжали во внутренние губернии многие помещики..., что создавало временную анархию в прифронтовых районах". Кроме того, возникли контакты с неприятельскими солдатами, которые распространяли антикрепостнические настроения. Троицкий верно заметил, что "в Полоцком уезде Витебской губ., в Ельнинском, Сычевском, Поречском и Юхновском уездах Смоленщины, в ряде подмосковных селений... *крестьяне громили барские усадьбы с помощью французов*".¹⁷ Не по этой ли причине советские авторы упорно обходили молчанием крестьянские мятежи в южных уездах Могилевской губернии. Между тем, генерал А.В. Запольский 19 августа прибыл в Рогачев и убедился, что неприятель "в здешних местах объявил всей черни вольности и независимость от помещиков". Он писал, что если его отряд уйдёт, то возобновиться угроза "от обывателей, *готовых ежеминутно вооружиться против помещиков и даже самих войск*". 9 сентября генерал Ф.Ф. Эртель написал, что "*неприятель везде, где ни бывает, объявляет крестьянам вольность и свободу от помещиков*, по примеру как сделал сие в Рогачеве"¹⁸.

Марксисты с неким удовлетворением отмечали, что, несмотря на резкое обострение классовой борьбы, до массового антифеодального восстания в России дело не дошло. Л.Г. Бескровный писал, что этого "ни в Белоруссии, ни в Смоленщине не произошло, *так как крестьяне убедились в реакционном характере наполеоновского режима*", который не отменил крепостничества. Весьма странное объяснение, ибо крестьяне, напротив, должны были бы выразить недовольство сохранением "рабства" на "оккупированных территориях" и поднять там всеобщее восстание. Абалихин объяснил это так: "Во-первых, *все силы народных масс были направлены на борьбу с иноземными захватчиками*. Во-вторых, на поведение крестьянства *огромное влияние оказала уверенность в том, что после изгнания врага царь отменит крепостное право*. В ряде работ получил *убедительное подтверждение вывод К. Маркса о том, что русское крестьянство надеялось своей кровью заслужить свободу*"¹⁹. Это высказывание Маркса (на самом деле позаимствованное им у декабриста Н.И. Тургенева) стало одним из краеугольных постулатов марксистской литературы, но *почти все советские*

авторы ссылались на один-единственный пример – бунт ратников Пензенского ополчения, вспыхнувший 9/21 декабря 1812 г., когда противника уже изгнали из пределов российской империи.²⁰

Поэтому разберёмся с данным случаем детальнее. Поводом к возмущению в Инсаре стали слухи о роспуске всех ополчений. *Чтобы не идти в поход*, ратники заявили: “Вы обманываете нас: мы не присягали, а без того солдату нельзя быть в походе, да и собирать нас государь не велел, а требовал одних дворян; но вы ведете нас вместо себя”. Они говорили, “что у них не обрита борода, и их не приводили к присяге, значит, они не настоящие солдаты. Если бы государь нуждался в войске, то велел бы объявить рекрутский набор, а в ополчение крестьян не берут, значит все это выдумка помещиков”, которые “вздумали послать за себя проливать кровь своих крестьян”. В Саранске они отказывались идти в поход без присяги, заявив, что “лучше идут в настоящие солдаты, а за помещиков служить не будут”, в Чембаре – под предлогом того, что отданы своими господами всего на три месяца.

Итак, ратники вовсе не горели желанием проливать свою кровь за Отечество! Но на суде они заявили, что “хотели, истребив офицеров, отправиться целым ополчением” на войну, разбить в сражении неприятеля и, представ пред царём, “в награду за свою службу выпросить себе прощение и вечную свободу из владения помещиков”²¹. Это объяснение является ни чем иным, как неуклюжей попыткой оправдаться, задним числом придумав для мятежа благовидный предлог. Далеко ли собирались идти ополченцы, если противник уже был изгнан из пределов отечества? И зачем нужно было, для победы над неприятелем, истреблять своих же собственных офицеров? Воистину, выдумать такое могли только “люди, погруженные в невежество”, – как было отмечено в материалах следствия.

Но советские авторы предпочитали верить не фактам, а беспомощным оправданиям бунтовщиков. Чтобы объяснить их поведение Тарле выдумал, что в стране носился слух, “будто всех присягнувших ополченцев по окончании войны уже не вернут в крепостное состояние, а объявят свободными. Более чем вероятно, что требование привода к присяге в данном случае и было вызвано этим слухом”. Он заявил, будто “ополченцы связывали неразрывно мысль об освобождении от крепостной неволи с мыслью об освобождении родины от вторгнувшегося врага”, хотя сам же отмечал, что последнего уже изгнали из России! Бабкин писал, что “основным требованием ратников было привести их к присяге... и отправить на фронт”, что “главным требованием солдат было дать им возможность защищать Родину

от иностранных поработителей”. Абалихин заявил, будто в этом мятеже “особенно ярко проявились патриотические тенденции”. Советские сочинители выдумали, будто бы бунтовщики выбрали себе нового полковника, соблюдали строжайшую дисциплину и порядок, а грабежи, на самом деле происходившие в Инсаре, объясняли тем, что мятежники просто искали подлинник царского указа о созыве ополчения²².

На самом же деле временные губернские ополчения создавались только для отражения неприятеля внутри России, а к тому времени он был уже изгнан из её пределов, так что среди ратников справедливо могли распространиться слухи о роспуске ополчения. *Ратников не приводили к присяге*, “так как все таковые воины после окончания военных действий должны обратиться в первобытное состояние”. Приведённый к присяге рекрут переставал быть крепостным, но более чем сомнительно, чтобы 25-летняя солдатчина была мечтой ополченцев. Все прочие ратники очень боялись такой перспективы, и Кутузов не раз успокаивал их, что этого не случится. Что же касается носившихся тогда слухов, то они были совсем иного рода. 29 декабря 1812 г. царь написал П.Х. Витгенштейну: “Дошло до сведения моего, что разнесся нелепый слух, будто воины, поступившие в ополчение, обращаются в регулярные полки на праве рекрут с зачетом помещикам”. Он велел объявить о несостоятельности такой молвы, ибо это “несообразно с торжественным обещанием, данным мною распустить по домам ополчение по окончании войны”. Эти “воины ополчения, к защите отечества вызванные, не могут никогда быть помещены в полки на правах рекрут”²³.

Окунь заявлял: “Об убеждённости русского крестьянина в том, что, спасая страну от рабства внешнего, он завоеует себе и освобождение от рабства внутреннего, сохранился ряд авторитетных свидетельств”. При этом он сослался на запись Ф. Глинки от 19/31 июля: “Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании... Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас... Дозволят – и мы поселяне, готовы в подкрепу воинам”. Но здесь однозначно под словом “воля” разумеется разрешение вооружаться против неприятеля, а под словом “вольность” – национальная независимость, а вовсе не освобождение от крепостной неволи. В том же плане Окунь и прочие марксистские авторы пытались истолковать фразу одного российского чиновника: “О политических настроениях крепостных Г.Ф. Фабер писал: “Народ хочет быть независимым, он научился сознавать свою силу и пользоваться ею”²⁴. Но и в данном случае они беспардонно передёргивали показания источника, ибо в нём речь шла о национальной не-

зависимости, а не о личной свободе, поскольку данный отрывок начинается со слов: “Народ спас империю..., независимость России обеспечена навсегда”. А далее Фабер вещал о слепой преданности крепостного крестьянства своим помещикам: “Слово “свобода” для него лишено смысла... Подчиненность для этого народа – привычка; его преданность ему необходима: такова его природа... *Добрые поселяне свято сохраняли все связи, соединявшие их с правительством и помещиками...* Они все встали вокруг своих господ на защиту общей родины”²⁵. Следовательно, и в данном случае мы сталкиваемся с откровенной марксистской фальсификацией.

Видимо понимая, что аргументация данного тезиса слаба, Окунь отыскал ещё один факт. “Наконец, – пишет он, – а это может служить наиболее убедительным доказательством, те единичные документы, которые в дни войны непосредственно вышли из крестьянской среды, также свидетельствуют, что сами крестьяне своё участие в борьбе с захватчиками расценивали как путь к освобождению от помещичьего гнёта”. Суть дела такова. Одна помещица продала своих крестьян другому помещику, который собрался переселить их на вятские заводы, но крестьяне не пожелали подчиниться новому хозяину. “Мы все, которые в силах, – писали они, – желаем к самому государю идти в воинскую службу за отечество... с усердием нашим, с тем только, хотя бы наше селение не пусто было, а... старики и малые дети наши были в казенном ведомстве”²⁶. В данном случае выбор крестьян не был проявлением их свободной воли; они решили стать рекрутами не из единой любви к отечеству, а чтобы не попасть на заводы, что традиционно считалось наихудшей долей. Более того, поступление на службу они обусловили переводением населения деревни в казённое ведомство, что было идеалом для крепостных, так что о бескорыстии здесь говорить не приходится.

Итак, все приведённые выше аргументы советских авторов в подтверждение слов Маркса не имеют никакой доказательной силы. Можно признать, что отдельные люди могли тешить себя надеждами на освобождение, но нельзя подобные мечтания экстраполировать на всё крепостное крестьянство. Разумеется, крепостные всегда мечтали об освобождении, но нет никаких доказательств того, что в 1812 г. они надеялись получить его в награду за своё участие в борьбе с неприятелем. Крепостные, которых помещики отдавали в ополчение, знали из царского манифеста, что после окончания войны они должны вернуться в “первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям”. Кутузов несколько раз подтверждал ополченцам их особый ста-

тус, что их не возьмут в солдаты, и они вернуться в своё прежнее положение. Крестьяне тех уездов, где подавлялись бунты против помещиков, также знали о намерении правительства сохранить в неизблемости существующий социальный порядок. Об этом же вещали с амвонов. П.Г. Андреев верно заметил, что “крестьянам объявлялось, что “сие назначение людей будет на самое короткое время и что потом все отпущены будут в дома свои”. Таким образом, народу внушалось, что ополчение не несёт с собою никаких надежд на освобождение от крепостной неволи”²⁷. От кого и надеялись получить свободу крестьяне, так именно от Наполеона, подданными которого они кое-где объявляли себя.

Иногда в качестве доказательств данного тезиса приводились высказывания декабристов. Н.И. Тургенев писал, что в 1812 г. “крестьяне, по собственному почину, взяли за оружие. Везде, в чисто русских губерниях, крестьяне вели партизанскую войну... Когда неприятеля изгнали из России, те из них, которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление... столько лишений, самоотверженно перенесенных ради общего освобождения, давали им право на свободу. Убежденные в этом крепостные некоторых местностей не хотели более признавать власть своих господ”. “Народная война 1812 года, – писал декабрист А.Е. Розен, – вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия... не имели”. А декабрист Я.М. Андреевич уверял, что именно русские солдаты, а “не кто другой спасители России... А такое ли возмездие получили за свою храбрость? Нет, увеличилось после того еще более угнетение”²⁸.

Отсюда видно, что такие представления появились уже после 1815 г. и в головах именно прогрессивно мыслящего дворянства. Разумеется, было бы правильно, с точки зрения “социальной справедливости”, дать свободу крестьянам-ратникам в награду за защиту Отчизны. Но где массовые доказательства того, что крестьяне надеялись на это в 1812 г.? Их попросту не существует! Нет нужды доказывать, что молодые офицеры идеализировали свой народ – печально известный автор известного изречения был прав: “Страшно далеки были они от народа”. Их антикрепостнические настроения возникли не столько в 1812 г., сколько во время заграничных походов, когда они смогли воочию увидеть освобождённую (“исчадием революции” Буонапартием) Европу и сравнить установившиеся там порядки с крепостническими устоями России.²⁹

Такие надежды могли возникнуть и у самих ополченцев, но только после заграничных похо-

дов, когда они смогли сравнить своё положение с жизнью простого народа в Европе и, кроме того, были, вопреки обещаниям, надолго задержаны на службе и уведены за границы своей империи. Известны случаи, когда вернувшиеся ратники отказывались работать на помещиков, но все они относятся к 1814-1815 гг.³⁰. Война 12-го года “разбудила” лишь узкий круг дворян-революционеров, а вовсе не крестьянские массы – в противном случае дело не ограничилось бы Сенатской площадью и “демократическими” призывами типа: “За Константина и его жену Конституцию!”.

По этим же причинам невероятным выглядит и заявление А.К. Дживелегова, будто правительство и дворяне “крестьянам давали понять, – хотя и в темных выражениях, хотя и не в откровенных заявлениях, *через священников в церквах и вне церквей*, – что если он поможет справиться с этим врагом, то получит награждение. Волшебное слово “воля” носилось по деревням, пущенное с лицемерными, своекорыстными целями”. Но когда война завершилась победой, помещики сделали “вид, что никаких обещаний насчёт воли никогда и не было”. Это мнение бытовало и в советской литературе. “В период борьбы против вражеского нашествия, – писал Бычков, – *царизм и помещики не скупились на обещания улучшить положение крестьян*. После окончания войны 1812-1814 гг. все эти обещания были взяты обратно”³¹. Да разве ж могло правительство, выражавшее интересы дворянского сословия, давать подобные обещания, да ещё через посредство верноподданной церкви? Это суждение, не имеющее абсолютно никаких фактических доказательств, противоречит логике и фактам. Во всех русских церквах читалось воззвание Синода, где, между прочим, были такие слова: “*Всех умоляем блжститися всякаго неблагочестия, своевольия и буйх шатаний..., пребывать в послушании законной, от Бога поставленной власти*”³².

Иные советские авторы тщились доказать, что свободолюбивые идеи появились в народе благодаря официальной пропаганде. По словам Абалихина, армейские листовки “не только призывали к борьбе с *интервентами*, но и *оказывали революционизирующее воздействие* на широкие круги населения”, ибо “часто употреблявшиеся слова “свобода”, “освобождение” и т.п. порождали... иллюзию о ликвидации крепостной зависимости”. Эта казённая пропаганда “вольной или невольной *распространяла свободолюбивые идеи, которые подхватывались массами*”. Бабкин писал, будто “*туманные* заявления правительства о необходимости борьбы за свободу и независимость давали повод” для появления надежд на освобождение. Окунь считал, что, поскольку в приказах и манифестах звучало слово “свобо-

да”, это “могло навести на мысль об освобождении крестьян”. Однако во всех процитированных им документах речь однозначно идёт о свободе, то есть, независимости государства. “К сожалению, – признавал Абалихин, – *мы не располагаем прямыми свидетельствами о влиянии пропаганды 1812 г. на настроение трудящихся масс. Но не может быть сомнения* в том, что эти призывы воспринимались крестьянами как обещание правительства после освобождения страны от *интервентов* дать им личную свободу”³³. Вот так, *никаких фактических доказательств данного утверждения нет, но сомнений в его истинности быть не может* – это уже уровень не науки, а религиозной веры, каковой и являлась по своей сути “единственно верная” марксистская идеология! *Credo, quia absurdum*, заявил в своё время один из “отцов церкви” Тертуллиан...

Итак, после анализа фактической стороны дела мы можем констатировать, что “классовая зашоренность” и беспардонная тенденциозность советских авторов не позволяли им объективно осветить данный вопрос. Ответ на него был им заранее известен: народ является главным творцом истории, следовательно, он сыграл главную роль в победе над противником, а значит, любые действия крестьянства в 1812 г. были полезны для отечества. “Неудобные” для этой “теории” факты либо замалчивались, либо фальсифицировались.

Классовая борьба крестьянства была непрерывным процессом, а война 1812 г. привела к её обострению. Следовательно, российскому правительству и местным властям приходилось уделять этой проблеме большее, чем обычно, внимание, отвлекая часть вооружённых сил на подавление восстаний. Причём, это была не внешняя война за спорные территории, к которой крестьянство могло быть безразличным. Речь шла о политической независимости государства, когда небывало сильный и опасный противник находился в сердце России. В таких условиях невозможно говорить о том, что антикрепостническая и патриотическая тенденции в крестьянском движении действовали однонаправленно, в большинстве случаев было как раз наоборот. Теоретически такое совпадение могло быть только в Литве и Белоруссии, где дворянство поддержало Наполеона. Но бунтовавшие там крестьяне наверняка думали не об интересах российского государства, а об удовлетворении своих насущных сиюминутных потребностей. Уже тот факт, что Наполеон обдумывал возможность отмены крепостного права в коренной России, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, а российское дворянство заранее опасалось такой перспективы³⁴, говорит о “потенциальной направленности” антикрепостнического

движения, вектор которого был прямо противоположен борьбе за национальную независимость. Марксисты рассматривали классовую борьбу как некую самоценность (“двигатель прогресса”), и то, что в 1812 г. она обострилась именно вследствие вторжения Великой армии и при подстрекательстве отдельных её представителей, нисколько их не смущало их “классового сознания”, в полном соответствии с пресловутым “принципом партийности в науке”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 345.
- ² Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 г.... // Отечественная война и русское общество. Т. V. М., 1912. С. 83-93 (далее ОВиРО); Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 66-67; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991. С. 14, 17, 19, 28. Поразительно, но даже в наше просвещённое время встречаются схоласты, мыслящие дремучими категориями “православия, самодержавия и народности”, которые заявляют, будто “факт единения российского общества в эпоху 1812 года... давно доказан” (Шуринов А.С. Единение российского общества в эпоху Отечественной войны 1812 года... // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2007. С. 185-87).
- ³ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 176; Бычков Л.Н. О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 г. // ВИ. 1962. № 8. С. 53, 54, 56, 58. Это мнение позже подверглось критике (Сошин Н.И. Советская историческая литература о роли классов и сословий в разгроме наполеоновских войск в России в 1812 г. // Вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Калинин, 1997. С. 132, 137; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрёстках мнений советских историков. М., 1990. С. 174).
- ⁴ Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. Сб. док. М., 1961. С. 18; Рябков Г.Т. Крестьянское движение в Смоленской губернии... Смоленск, 1957. С. 29; Ливчак Б.Ф. Народное ополчение... Свердловск, 1961. С. 60; Окунь С.Б. Русский народ и Отечественная война 1812 г. // История СССР. 1962. № 4. С. 57; Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10; Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры... М., 1975. С. 79, 89; Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград, 1967. С. 120-22, 136; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 357.
- ⁵ Бескровный. Указ. соч. С. 340; Кочетков А.Н. Партизанская война // 1812 год. Сб. Ст. М., 1962. С. 166.
- ⁶ Абалихин. 135, 137; он же. Героическая эпопея. 36; Бабкин В.И. Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г. // История СССР. 1972. № 2. С. 113-17; он же. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. // Вопросы военной истории России... М., 1969. С. 343-47. Вопреки названию последней статьи Бабкина, большинство приведённых им фактов давно уже были известны. Но он, делая ссылки на архивы, создал иллюзию открытия им новых фактов, чем ввёл в заблуждение историографов, которые написали, буд-

- то бы “Бабкин на основании новых документальных источников показал резкое обострение классовой борьбы” (Абалихин, Дунаевский. Указ. соч. С. 174; Сошин. Указ. соч. С. 138; Троицкий. Великий год. С. 357).
- ⁷ Смоленское дворянское ополчение. Смоленск, 1912. С. 30-31; ВУА. Т. XX. С. 68-69; Асонов В.И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. С. 151-52; Ливчак. Указ. соч. С. 144-45; 1812 год. Сб. ст. М., 1962. С. 167; Троицкий. Великий год. С. 357.
- ⁸ Асонов. Указ. соч. Док. С. 152-54; Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 239-41.
- ⁹ Вороновский В.М. Отечественная война в Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 248; Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1952. С. 71; Лесли в войне 1812 г. Смоленск, 2005. С. 94, 111-12.
- ¹⁰ Окунь. Указ. соч. С. 58; Абалихин. Указ. соч. С. 128; Орлик О.В. Великий подвиг народный. М., 1981. С. 11; она же. Гроза двенадцатого года. М., 1987. С. 28; Абалихин, Дунаевский. Указ. соч. С. 129, 174-75.
- ¹¹ Троицкий. Великий год России. С. 356-57; Родина. 1992. № 6-7. С. 133.
- ¹² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 566. Л. 11-11 об.; Асонов. Указ. соч. Док. 36, 148, 152.
- ¹³ РА. 1871. № 10. Стб. 1620-1621; Лесли в войне 1812 г. С. 123. В некоторых селениях Московской губернии крестьяне также объявляли себя подданными французов и отказывались подчиняться русским властям.
- ¹⁴ Хорунжий Д. Белоусов из отряда Дибича 1-го “усмирил Смоленской губернии разных помещиков до 6.000 крестьян, кои, противясь Российской державе, истребили в буйстве своих помещиков” (Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13-14. С. 470).
- ¹⁵ Бычков. Указ. соч. С. 28; Абалихин. Указ. соч. С. 137, 140-41; Бескровный. Указ. соч. С. 338-40.
- ¹⁶ Reboul F. Campagne de 1813: les préliminaires. Vol. I. Paris, 1910. P. 403-04; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1910-1911. Т. XIV. С. 93, 172, 228; Т. XVI. С. 36; Т. XVII. С. 310; Т. XVIII. С. 60, 98, 130, 167, 168; Т. XIX. С. 319, 321.
- ¹⁷ Абалихин. Указ. соч. С. 125, 137; Познанский. Указ. соч. С. 78; Ливчак. Указ. соч. С. 60-62; Троицкий. Великий год. С. 359.
- ¹⁸ Ахлестьев Д.П. Двенадцатый год... СПб., 1912. С. 223, 225.
- ¹⁹ Бескровный. Указ. соч. С. 337, 341; Сошин. Указ. соч. С. 136-37; Абалихин. Указ. соч. С. 141; Абалихин, Дунаевский. Указ. соч. С. 175.
- ²⁰ Тарле. Указ. соч. С. 180-81; Бабкин. Указ. соч. С. 33; Игнатович И.И. Крестьянское движение в России... М., 1963. С. 76, 79, 90-91, 93; Крестьянское движение в России. С. 20; Орлик. Великий подвиг. С. 13, 16; Ливчак. Указ. соч. С. 151-54; Троицкий. Великий год. С. 358.
- ²¹ ОВиРО. Т. V. С. 98-102; Гудин В.С. Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. // Краеведческие записки гос. архива Пензенской обл. Пенза, 1965; Белоусов С.В. Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2007. С. 107-25.
- ²² Тарле. Указ. соч. С. 180-82; Абалихин. Указ. соч. С. 128-29; ВИ. 1962. № 8. С. 56; 1812 год. Сб. ст. М., 1962. С. 159; Народное ополчение. 384-85; Гудин. Указ. соч. С. 19; История СССР. 1972. № 2. С. 120-21; Троицкий. Великий год. С. 358; Максимов И.С. Крестьянство Мордовского края в период военных кампаний 1812-1815 гг. // Обновляющаяся Россия... Саранск, 1997. С. 139.
- ²³ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 411. В 1807 вспыхнул бунт в киевской милиции, причиной которого стало распоряжение о пе-

- реводе ратников в рекруты (Ливчак. Указ. соч. С. 50-53).
- ²⁴ История СССР. 1962. № 4. С. 58-59; 1972. № 2. С. 113; *Абалихин*. Указ. соч. С. 143.
- ²⁵ Бумаги П.И. Щукина. Ч. VI. М., 1901. С.113-22; РА. 1902. № 1. С. 31-35.
- ²⁶ Богословский вестник. 1912. № 7-8. С. 678; Крестьянское движение в России. С. 285.
- ²⁷ *Андреев*. Указ. соч. С. 27-28.
- ²⁸ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 17; России двинулись сыны. М., 1988. С. 306-07; *Павлова Л.Я.* Декабристы- участники войн 1805-1814 гг. М., 1979. С. 93-94.
- ²⁹ “Кампании 12-го года и последующих 13 и 14 гг. подняли наш народный дух, сблизили нас с Европой”,- писал С.Г. Волконский,- и тогда “ничтожество наших народных прав, скажу гнет нашего государственного управления – резко выказались уму и сердцу многих”. Н.И. Тургенев записал в дневнике: “Теперь возвратятся в Россию много таких русских, которые видели, что без рабства может существовать гражданский порядок”. “Пребывание во время похода за границей,- признавался И.Д. Якушкин,- вероятно в первый раз обратило внимание мое на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки. По возвращении из-за границы крепостное состояние людей представилось мне как единственная преграда сближению всех сословий”. То же самое утверждали С.И. Муравьев-Апостол, П.И. Пестель, С.П. Трубецкой и М.А. Фонвизин (*Павлова*. Указ. соч. С. 95-98).
- ³⁰ ОВиРО. Т. V. С. 106, 111-12; *Игнатович*. Указ. соч. С. 93-95.
- ³¹ *Джигелегов А.К.* Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 233-35; ВИ. 1962. № 8. С. 56-57; *Рябков*. Указ. соч. С. 29.
- ³² *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. М., 1912. С. 17.
- ³³ *Абалихин*. Указ. соч. С. 117-18; История СССР. 1962. № 4. С. 56; Вопросы военной истории России. 343; Познанский. Указ. соч. С. 81; Троицкий. Великий год. С. 357.
- ³⁴ 28 июня “прогрессивный” генерал Н.Н. Раевский написал супруге: “Я боюсь не врага, но прокламаций и вольности, которую Наполеон может обещать крестьянам”. П.И. Багратион 1/13 июля написал М.Б. Барклаю де Толли, что “метода войны в своих границах вообще не выгодна по влияниям на народ, кроме прочих видимых неудобств” (1812-1814. М., 1992. С. 214; Генерал Багратион. Сб. док. М., 1945. С. 195).

PEASANTRY CLASS STRUGGLE AND PATRIOTIC FEELINGS IN 1812

© 2009 A.I. Popov

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

On the basis of comparison of authentic sources (documents and memoirs) and works of soviet historians about the role of the Russian peasantry class struggle during the Patriotic War of 1812, the author attempts to draw unbiased and objective conclusions about correlation between the peasantry class struggle and patriotic feelings of peasants in the course of this famous campaign.

Key words: Russia, beginning of the XIX century, Patriotic War of 1812, Russian peasantry class struggle, patriotic feelings of peasants.